

Г. А. КЛИМОВ

О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Интересную и весьма актуальную проблему отношения картвельских языков к северокавказским и индоевропейским, не нашедшую сколько-нибудь однозначной трактовки за всю историю их изучения, конечно, невозможно решить в рамках журнальной статьи. К тому же недавний выход в свет фундаментального исследования Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, в котором реконструированы общекартвельские фонологическая и морфонологическая системы¹, заставляет учитывать некоторые вновь обнаруженные факты и видеть более широкие аспекты проблемы. В 1968 г. мне уже приходилось частично затронуть соответствующие вопросы в плане оценки современного состояния гипотезы внутреннего родства кавказских языков. Поскольку, однако, мой взгляд на поставленную проблему был в первой же статье, посвященной обсуждению этой проблемы, передан неадекватно (ср., например, утверждение, что для Г. А. Климова менее вероятно родство картвельских языков с северокавказскими, чем картвельских языков с индоевропейскими²), следует остановиться на ней более подробно. Сделать это кажется тем более целесообразным, что в упомянутой статье оказались затронутыми вопросы методики историко-лингвистического исследования, коренные расхождения по которым характеризуют не столько взгляды отдельных кавказоведов, сколько позиции двух различных направлений в кавказском языкознании.

Эти расхождения дают себя знать уже по отношению к столь важному для данной проблемы пункту, как роль показаний северокавказских языков при решении вопросов синхронной структуры и истории картвельских языков.

Едва ли могут иметься сомнения в том, что факты картвельских языков, как и любых иных, вполне познаваемы сами по себе и что собственно картвелистическое исследование не нуждается в учете данных каких-либо других языков. Поэтому основные вопросы структуры и истории этих языков могут адекватно решаться вне всяких ссылок на показания северокавказских (или индоевропейских) языков. Такое не направленное на внешний языковой ориентир историческое изучение картвельских языков вполне перспективно и результативно, в частности, в построении их сравнительной грамматики. Примером подобного ненаправленного исследования может послужить упомянутый труд Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, констатирующий интересные картвельско-индоевропейские структурно-типологические параллелизмы лишь после «внутренней» реконструкции общекартвельского состояния (ненаправленность его на соответствующие модели индоевропейского вида также из того, что для

¹ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и абзаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с русск. резюме).

² А р н. Ч и к о б а в а, К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и северокавказским языкам, ВЯ, 1970, 2, стр. 59.

другой хронологической плоскости оно устанавливает и картвельско-северокавказские схождения³).

Конечно, существующие между картвельскими и другими языками структурно-типологические аналогии могут оказаться и на практике в ряде случаев оказываются инструктивными для уяснения вопросов структуры картвельских языков. Но в принципе картвелистика в них не нуждается. К тому же хорошо известны опасности, подстерегающие лингвистическое описание, основанное на восприятии фактов одних языков через призму описания других. Однако когда речь идет о доказательстве их генетического родства с северокавказскими (или индоевропейскими), ориентация картвелистического исследования на показания каких-либо из последних становится методически недопустимой. Следует подчеркнуть, что сравнительно-генетическое изучение картвельских и северокавказских языков будет свободно от тенденциозности лишь в том случае, если объектом систематического сравнения послужат факты обеих языковых групп, полученные помимо всякого рода перекрестных свидетельств, т. е. исключительно на основе «внутренней» реконструкции каждой из них. Напротив, ориентация исследования истории картвельских языков на показания северокавказских или каких-либо иных по своему существу предвосхитила бы то, что еще предстоит доказать. Рассматривая до некоторой степени сходную ситуацию, сложившуюся при обосновании так называемой «алтайской» гипотезы (предполагающей наличие генетического родства между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками), А. М. Щербак справедливо отмечает, что «на вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно»⁴.

Ввиду очевидной специфики структурно-типологического и генетического аспектов внешних связей картвельских языков далее они рассматриваются раздельно.

Основное содержание первого аспекта исследования, ограничивающегося в настоящее время рамками характерологии, составляет целый комплекс вопросов союзных отношений картвельских языков. Как это недавно вновь было подчеркнуто Г. В. Церетели, понятия языковой семьи и языкового союза не исключают друг друга, а скорее взаимодополняют⁵. Поэтому не зависящая от соответствующего генетического исследования постановка проблемы о вхождении картвельских языков или общекартвельского языка-основы в тот или иной языковой союз вполне корректна. Рассматривая эту проблему, А. С. Чикобава называет основным выводом исследования Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, посвященного реконструкции фонологической и морфологической систем общекартвельского языка-основы, объединение ими картвельских и индоевропейских языков в один типологический класс⁶. Апеллируя к структурно-типологическим схождениям современных картвельских языков с северокавказскими, как они в значительной степени уже были выявлены в работах Фр. Мюллера и И. И. Мещанинова, он полемизирует с этим положением, отмечая, что даже столь неполная типологическая характеристика «дает несравненно больше оснований для включения картвельских языков „в один типологический класс“ с северокавказскими язы-

³ См.: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, указ. соч., стр. 365—373.

⁴ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 12.

⁵ См.: Г. В. Церетели, О языковом родстве и языковых союзах, ВЯ, 1968, 3, стр. 12 и сл.

⁶ См.: А р н. Ч и к о б а в а, указ. соч., стр. 52.

ками, чем те признаки, по которым картвельские языки оказались включенными „в один типологический класс“ с языками индоевропейскими»⁷. Ввиду того, что в названном исследовании такого вывода ни как основного, ни как побочного не содержится, едва ли имеет смысл на нем останавливаться. Целесообразно лишь отметить, что отношение конкретных языков к языковым союзам исторически изменчиво. Поэтому было бы очевидной методической ошибкой игнорировать определенную хронологическую перспективу исследования Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани и оспаривать их тезис о соответствующем языковом союзе в отдаленном прошлом, исходя из структурно-типологических характеристик, объединяющих исторически засвидетельствованные картвельские и северокавказские языки. Нетрудно видеть вместе с тем, что положение о существовании языкового союза между общекартвельским и индоевропейским нисколько не противоречит тезису отдельных исследователей о союзных отношениях между современными картвельскими и северокавказскими языками.

Необходимо вместе с тем остановиться на выводе, действительно содержащемся в книге Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, а именно на тезисе о вхождении в один типологический класс общекартвельского языка-основы определенной эпохи и общеиндоевропейского: ср., например, высказывание ее авторов о том, что «общекартвельская морфонологическая система изоморфна индоевропейской морфонологической системе (в интерпретации Э. Бенвениста)»⁸.

Действительно, как в общеиндоевропейской, так и в общекартвельской фонологической системе имелись три одинаковых класса фонем — согласные, гласные и сонанты. Сходство между системой аблаута в общекартвельском и в общеиндоевропейском, как оно отражено в модели Э. Бенвениста, достаточно очевидно. Все виды общекартвельского аблаута (за исключением чередования *e : i*) находят параллели в общеиндоевропейской схеме апофонии. В основном на одинаковых принципах основана фонологическая структура корневых и суффиксальных морфем (с их каноническими типами *CVC-* и *-VC* соответственно) в обеих сравниваемых величинах, очень близки и правила взаимодействия этих структур при сочетании корневой и суффиксальной морфем.

Ввиду ограниченности задачи, стоявшей перед Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, они, конечно, не могли исчерпать всей суммы структурно-типологических параллелизмов, которые можно провести между общекартвельским и общеиндоевропейским состояниями. Одной из таких наиболее интересных встреч можно считать наличие в них эргативной конструкции предложения, которая, напротив, не может рассматриваться в качестве древней абхазско-адыгской изоглоссы, так как она отсутствовала в абхазско-адыгском праязыковом состоянии (как известно, такие необходимые признаки этой конструкции, как эргативный или эргативно-косвенный падеж подлежащего и именительный падеж прямого дополнения, формировались относительно поздно — уже в эпоху существования исторически засвидетельствованных абхазско-адыгских языков, когда в них начало складываться склонение)⁹. Впрочем, по-видимому, могут быть

⁷ Там же, стр. 53.

⁸ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, указ. соч., стр. 474 (авторы оговаривают употребление здесь термина «изоморфизм» не в строгом математическом смысле), ср. также стр. 454. Ср. еще: Г. И. Мачавариани, К типологической характеристике общекартвельского языка-основы, ВЯ, 1966, 1, стр. 7; Th. V. Gamkrelidze, A typology of Common Kartvelian, «Language», 42, 1, 1966, стр. 83.

⁹ К реконструкции эргативности для общекартвельского состояния см.: Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом

дополнительно приведены и некоторые из параллелизмов фонологической структуры обеих сравниваемых величин.

Совершенно недостаточная изученность картвельско-индоевропейских языковых взаимоотношений, по существу, только недавно восстановленных в повестке дня лингвистических исследований, не позволяет трактовать происхождение перечисленных сходств сколько-нибудь однозначным образом. Относительно более вероятным представляется, что оно обязано либо длительным языковым контактам, либо типологической аналогии (в пользу последнего фактора свидетельствует то обстоятельство, что эти сходства в большей мере наблюдаются в общих структурных принципах, чем в деталях их реализации); не исключено, что возникновение этих сходств продиктовано взаимодействием нескольких различных факторов¹⁰.

В предшествующем изложении неоднократно употреблялся термин «севернокавказский». Необходимо отметить, однако, что как только исследование начинает оперировать понятием севернокавказских языков, оно становится на значительно менее определенную почву. В высшей степени условный для кавказского языкознания характер этого понятия диктуется тем, что оно не оправдано ни в структурно-типологическом, ни в генетическом плане. Так, в структурном отношении обе севернокавказские группы — абхазско-адыгская и нахско-дагестанская — представляют собой, судя по всему, полярные звенья, опосредствованные картвельским лингвистическим типом¹¹: ср., например, постепенное нарастание черт флективности, уменьшение удельного веса префиксального строя, усложнение склонения и упрощение спряжения, сокращение словообразовательных возможностей и некоторые другие явления, проходящие по кавказской языковой области с запада на восток через территорию картвельских языков. Более того, имеются серьезные основания считать, что больше общих точек соприкосновения в этом отношении обнаруживают картвельские и абхазско-адыгские языки¹². К числу последних могут быть отнесены сходства в структуре глагола, обусловленные категориальным составом и аранжировкой грамматических морфем, и производных от него имен, большой удельный вес префиксального строя в словоизменении и словообразовании, почти полное отсутствие грамматической категории класса (классные противопоставления в абхазско-абазинском имеют место внутри грамматической категории лица или числа), наличие «гармонических» комплексов согласных и некоторые другие, часть которых была впервые замечена еще пионерами отечественного кавказоведения. Напротив, имеется лишь относительно меньшее число структурно-типологических черт, объединяющих только абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки (сюда входят преимущественно четырехчленная схема

аспекте, М., 1962, стр. 47—65 и 137—138; см. также: Г. И. М а ч а в а р и а н и, указ. соч., стр. 8. Помимо черт явной распатанности эргативного строя, зафиксированных в картвельских языках И. И. Мещаниновым, следует отметить факт почти монополюсного существования в последних специального (несовмещающего других значений) эргативного падежа, характеризующий поздние стадии функционирования эргативности в языке.

¹⁰ См.: Г. В. Ц е р е т е л и, О теории сонантов и аблаута в картвельских языках, в кн.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Г. И. М а ч а в а р и а н и, указ. соч., стр. 045—046.

¹¹ См.: Г. А. К л и м о в, К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими иберийско-кавказскими языками), М., 1960 («XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»), стр. 7; ср. также: А. С. Ч и к о б а в а, Грузинский язык, «Языки народов СССР», IV, М., 1967, стр. 22.

¹² Ср., например: G. D e e t e r s, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den Kaukasischen Sprachen, «Bedi Kartlisa», 23, 1957, стр. 12—16.

опозиций смычных согласных, наличие серии латеральных фонем, в целом очень слабое развитие гипотаксиса).

Дополнительные трудности в сравнительно-типологическом исследовании кавказских языков обусловлены и далеко недостаточной изученностью их обеих северокавказских групп в диахроническом аспекте. Представления современного кавказоведения об истории этих языковых групп не позволяют сколько-нибудь уверенно судить о многих характеристиках соответствующих праязыковых состояний, вследствие чего постулировать их возможные структурные связи для прошлого весьма затруднительно. Вместе с тем не доказано и генетическое родство обеих северокавказских групп.

Думается поэтому, что в большинстве контекстов было бы целесообразнее оперировать не единым лингвистически очень неопределенным понятием северокавказских языков, а двумя и типологически и генетически детерминированными понятиями групп — абхазско-адыгской и нахско-дагестанской.

Переходя к рассмотрению генетического аспекта поставленной проблемы, следует прежде всего учитывать, что разработанная еще классической компаративистикой методика доказательства языкового родства обладает исключительно позитивными возможностями: иначе говоря, она способна обосновать наличие родства, но не может свидетельствовать об отсутствии такового даже в случае безуспешности ее применения¹³. Поэтому, в частности, неудачный опыт картвельско-индоевропейского генетического сопоставления, предпринятый в середине XIX столетия Фр. Боппом¹⁴, не мог дискредитировать самую идею подобного родства, тем более что он опирался на весьма нестрогую методическую базу. Если традиционная картвелистика обычно не допускала возможности исконого родства картвельских и индоевропейских языков, то современная картвелистика независимо от определенных оптимистических или пессимистических склонностей ее отдельных представителей должна в принципе допускать генетические связи картвельской группы как с обеими северокавказскими группами, так и с индоевропейскими языками. (За этими связями могут стоять как отношения отдаленного родства, так и аллогенетические отношения.) Вместе с тем, возможное в будущем доказательство родства картвельских языков с какими-либо одними из названных не исключит вероятности их генетической связи и с другими.

Для обоснования факта языкового родства недоказательно проведение между сравниваемыми языками некоторого числа структурно-типологических (например, касающихся морфологической структуры глагола, фонологической структуры корня и т. д.) и материальных параллелизмов. Единственно релевантным в этом отношении критерием является установление систематических соотношений — фонологических корреспонденций — в субстанции значимых единиц (корней, аффиксов и целых слов) языков: только такие соотношения позволяют считать эти единицы системными преобразованиями общей для них исходной традиции. Как известно, родственные языки характеризуются также наличием морфологических и лексических соответствий, однако их установление происходит исключительно на базе ранее выявленных фонологических корреспонденций¹⁵.

¹³ См. об этом: А. Мейлет, Introduction, «Les langues du monde», Paris, 1924, стр. 3; Э. Сепир, Язык, М.—Л., 1934, стр. 120 и 160; Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 281; Н. Вогт, La parenté des langues caucasiques, NTS, XII, 1942, стр. 249; Ч. Ф. Носкетт, Sound change, «Language», 41, 2, 1965, стр. 189.

¹⁴ См.: Фр. Ворр, Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes, Berlin, 1847.

¹⁵ См. об этом: А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 35; И. М. Тронский, К вопросу о сравнительно-историческом ме-

(так, для определения факта лексического соответствия груз. *wercxl-i* и мегр. *warčxil-i* «серебро» необходимо предварительно определить системный характер соотношения фонем, репрезентирующих обе эти лексемы). Таким образом, в конечном счете именно системность фонологических соотношений доказывает генетическое единство группы родственных языков. Так, в частности, генетическое родство абхазско-адыгских языков обосновывается наличием целого ряда таких систематических рядов фонологических корреспонденций, как:

абхаз. $\xi \sim$ адыг. $l \sim$	абхаз. (бзыб.) $z' \sim$ адыг. z'
абхаз. $z \sim$ адыг. l^{16}	абхаз. (бзыб.) $c' \sim$ адыг. s'
	абхаз. (бзыб.) $c' \sim$ адыг. s'^{17}
абхаз. (бзыб.) $z' \sim$ убых. $d^w \sim$ адыг. d	
абхаз. (бзыб.) $c' \sim$ убых. $t^w \sim$ адыг. t	
абхаз. (бзыб.) $c' \sim$ убых. $t^w \sim$ адыг. t	

(ср. для последней группы звукосоответствий следующие иллюстрации: абхаз. $a-z'az' \sim$ убых. $d^wad^wa \sim$ адыг. $dada$ «шило», абхаз. $-(z')z'a \sim$ адыг. $-dada$ приатрибутивная энклитика со значением «очень; совсем», абхаз. $a-c'a \sim$ убых. t^wa «слива; черешня», убых. $t^waq \sim$ адыг. taq «затылок», убых. $t^was- \sim$ адыг. $tas-$ «садиться» и мн. др.).

Поскольку подобного рода фонологические корреспонденции между картвельскими и северокавказскими языками не установлены, гипотеза об их генетическом родстве не может считаться доказанной. Следует иметь в виду, что нет ни одной специальной работы, посвященной подобному доказательству родства и между абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. В частности, на такое не претендует и часто упоминаемая в данной связи статья Н. С. Трубецкого, целью которой было, как отмечает ее автор, только собрать до некоторой степени достоверный лексический материал для выполнения такого доказательства в дальнейшем¹⁶.

Говоря о перспективах доказательства родства картвельских языков с северокавказскими или какими-либо другими, следует подчеркнуть, что они остаются очень неопределенными. Одна из наиболее очевидных трудностей в обосновании гипотезы о генетическом единстве картвельских и северокавказских языков заключается в совершенно недостаточной подготовленности абхазско-адыгского и нахско-дагестанского языкознания к решению проблемы их внешнего сравнения. В сравнительно-исторических грамматиках обеих северокавказских групп, существенно отстающих в своей разработке от уровня, достигнутого сравнительной грамматикой картвельских языков, многие важнейшие вопросы по сей день остаются предметом дискуссии. Так, например, в абхазско-адыгском языкознании конкурируют две противоположные точки зрения по вопросу о грамматической категории класса, определяющие глубокое различие в решении вопросов истории всей морфологической системы соответствующих языков¹⁹. В свою очередь в нахско-дагестанском

тоде в языкознании, «Уч. зап. [ЛГУ]», 156, Серия филол. наук, 15, 1952, стр. 21—22; А. В. Д е с н и ц к а я, Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955, стр. 82, и многие другие работы.

¹⁶ См.: N. T r u b e t z k o y, Les consonnes latérales des langues caucasiqnes septentrionales, BSLP, XXIII, 3 (N 70), 1922, стр. 189; R. L a f o n, Notes de phonétique comparée des langues caucasiqnes du Nord-Ouest, «Bedi Kartlisa», XXI—XXII, 50—51, 1966, стр. 19—21.

¹⁷ См.: К. В. Л о м т а т и д з е, К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», IV, М., 1953.

¹⁸ N. T r u b e t z k o y, Nordkaukasische Wortgleichungen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXVII, 1—2, 1930, стр. 77.

¹⁹ Ср.: К. В. Л о м т а т и д з е, К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов в именных основах абхазского языка, «Сообщения АН Груз.ССР», XXVI, 1, 1961, стр. 115 и сл.; G. D e e t e r s, Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?, «Corolla linguistica», Wiesbaden, 1955, стр. 27—30.

языкознании по-разному трактуются вопросы истории фонологической системы (ср., например, продолжающуюся дискуссию вокруг латеральной гипотезы, предполагающей исконность для нахско-дагестанских языков целой серии латеральных согласных), склонения (ср. вопрос о степени древности локативных падежей, составляющих здесь основную совокупность деклинационной парадигмы), грамматической категории класса (ср. разные мнения об удельном весе соответствующих экспонентов в составе имен существительных).

Особенно сильно отстает этимологическая разработка абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. В настоящее время не только отсутствуют этимологические словари этих языков, но и вообще реконструкции праязыкового материала носят здесь эпизодический характер. Вследствие этого в распоряжении гипотезы внутреннего родства кавказских языков оказывается настолько ограниченный материал, что установить на его фундаменте сколько-нибудь системные межгрупповые звуко-соответствия едва ли представляется возможным. Так, по подсчетам Г. Деетерса имеется лишь около двадцати общекавказских лексических изоглосс, способных претендовать на исконный характер, а согласно Х. Фогту, общекавказские словарные параллелизмы, представляющие интерес с точки зрения генетической гипотезы, «могут быть пересчитаны на пальцах»²⁰. Не намного большее число составляют абхазоадыгско-картвельские лексические встречи аналогичного порядка²¹. Важно при этом отметить, что поскольку эти сближения не опираются на критерий системных звукосоответствий, все они с необходимостью носят чисто импрессионистский характер. Этим в свою очередь объясняется и то обстоятельство, что материал картвельских и северокавказских языков разные исследователи нередко сопоставляют совершенно по-разному. Так, например, если одни из них, сопоставляя авар. *ççibil* «виноград» и груз. *babilo* «виноградная лоза, пущенная на дерево», предполагают разнородное происхождение их первых слогов и выделяют общий элемент *bil* со значением «цветок»²², то я сопоставляю нахск.-дагест. **ççibul* «виноград» (ср. авар. *ççibil*, рутульск., цахур. *țəməl* «виноград»²³) с картв. **çlabl* «черешня» (ср. груз. *çabl-i*, мегр. *çibur-i* «каштан», сван. *heb* «черешня»²⁴). Если одни сопоставляют абхаз. *a-baw* «кость; остов» с груз. *baqwi* «бедро»²⁵, то я сравниваю абхаз.-адыг. **pqa* «кость; остов» (ср. аб-

²⁰ См.: G. Deeters, [рец. на кн.]: K. Bouda, Baskisch-kaukasische Etymologien, «Deutsche Literaturzeitung», 73, 4, 1952, стлб. 209; H. Vogt, Le basque et les langues caucasiennes, BSLP, 51, 1, 1955, стр. 134; ср. также: Г. А. Климов, О гипотезе внутреннего родства кавказских языков, ВЯ, 1968, 6, стр. 20—21.

²¹ См.: Г. А. Климов, Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели, «Этимология», 1967, М., 1969, стр. 288—293.

²² См.: А. С. Чикобава, Об одной древней общей основе в термине виноградарства в иберийско-кавказских языках, «Иберийско-кавказское языкознание», VI, Тбилиси, 1954, стр. 49—50.

²³ О фонологическом соответствии авар. *çy* ~ лезг. *ț* см.: Е. А. Бокарев, Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (Опыт реконструкции), ВЯ, 1958, 4, стр. 7.

²⁴ Сопоставление принято в картвелистике, ср.: Н. Я. Марр, Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). II, «Изв. имп. Акад. наук», VI, серия 9, 1915, стр. 825; В. Т. Топуриа, Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков, «Иберийско-кавказское языкознание», XII, Тбилиси, 1960, стр. 155 (на груз. яз.); Г. И. Мачавариани, Общекартвельская консонантная система, Тбилиси, 1965, стр. 33 (на груз. яз.).

²⁵ См.: К. В. Ломтатидзе, К вопросу об окаменелых экспонентах..., стр. 116.

хаз. *a-baω*, *a-bωa*, убых. *pqa*, адыг. *pqə*²⁶) с картв. **pxa*- или **pqa*-«остов» (ср. груз. *pxa*-, мегр. *xa*-, чанск. *mxa*-, сван. *pxa* «остов рыбы, змеи; осьть»)²⁷.

Вполне возможно, конечно, что крайняя ограниченность сравнимого материала картвельских и северокавказских языков объясняется отсутствием самого факта генетического родства между ними (в таком случае лексические встречи этих языков могут быть обязаны случайному сходству звукотипа близких или идентичных по семантике слов, взаимным заимствованиям, действию фактора субстрата). Однако значительно более определенную почву позиция осторожных исследователей и скептиков находит в серьезных недостатках самой методической стороны доказательства их родства. Как свидетельствует, в частности, первая опубликованная по проблеме взаимоотношения картвельских, северокавказских и индоевропейских языков статья, отдельные кавказоведы и по сей день, по-видимому, считают достаточным для обоснования факта языкового родства проведение между сравниваемыми языками некоторой совокупности структурных и материальных параллелизмов. В то же время в пока еще эпизодических для практики кавказского языковедения случаях поисков межгрупповых фонологических корреспонденций эти поиски велись на уровне фактов отдельных современных представителей разных языковых групп (например, грузинского, с одной стороны, и удинского — с другой, грузинского, мегрельского и сванского, с одной стороны, адыгейского и кабардинского — с другой, и т. д.). При этом не учитывалось давно известное из теории компаративистики положение о том, что сколько-нибудь однозначные звукосоответствия существуют обычно не между современными представителями родственных языков, а между каждым из них и праязыковым состоянием²⁸; отсюда не случайны характерные для подобных опытов выводы о ненаблюдаемости регулярных соотношений, о спорадичности звукосоответствий и т. п.

Исключение на этом фоне составляют по существу работы лишь единичных кавказоведов, ведущих поиски межгрупповых соответствий на уровне праязыковых реконструкций²⁹. Необходимо, однако, подчеркнуть, что и подобные попытки не достигают в настоящее время успеха, так как единичные намечаемые корреспонденции не образуют какой-либо системы, аналогичной продемонстрированным выше на примере абхазско-адыгских языков, что необходимо для доказательства. Так, никакой системы не образуют два наиболее статистически выдержанных звукосоответствия между картвельскими и абхазско-адыгскими языками: картв. **l* ~ абхаз.-адыг. *∅** (нуль звука) в исходе именной основы, а также картв. **m* ~ абхаз.-адыг. **m*, иллюстрирующиеся соответственно тринадцатью и семью примерами. Должно быть очевидным, что при существующем уровне этимологической разработки обеих групп северокавказских языков, сравнительно-фонетические исследования остаются фактически неподготовленными.

Если учесть, что установление синхронного структурно-типологического сходства между языками способно иногда подсказать ориентир для

²⁶ Генетическое отождествление абхазско-адыгских форм предпринимается в работах: G. Dumézil, *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie)*, Paris, 1932, стр. 124; J. v. Meszáros, *Die Päkhy-Sprache, «Studies in Ancient Oriental Civilization»*, 9, Chicago, 1943, стр. 222.

²⁷ Груз. *pxa*- и адыг. *pqə* впервые сопоставил, по-видимому, К. Боуда, см.: К. В о u d a, *Beiträge zur etymologischen Erforschung des Georgischen, «Lingua»*, II, 3, 1950, стр. 8.

²⁸ См., например: А. М е й е, указ. соч., стр. 132.

²⁹ См.: Г. А. К л и м о в, *Кавказские языки*, М., 1965, стр. 71—73; R. L a f o n, *Notes de phonétique comparée des langues caucasiennes du Nord-Ouest*, стр. 28.

последующего генетического рассмотрения³⁰, следует думать, что более перспективное направление работ, ведущихся в рамках гипотезы внутреннего родства кавказских языков, составляет сравнительно-генетическое исследование картвельских и абхазско-адыгских языков (более интересны и материальные встречи обеих языковых групп).

Что касается рассмотрения вопроса о возможных генетических связях картвельских и индоевропейских языков, то здесь сравнительно-генетическое исследование, ведущееся в настоящее время исключительно в рамках ностратической гипотезы (ср., например, работы В. М. Иллича-Свитыча, А. Б. Долгопольского, Г. Б. Джаукяна), оказывается объективно более подготовленным не только тем обстоятельством, что этимологическая разработка обеих языковых семей не идет ни в какое сравнение с аналогичными штудиями в области северокавказских языков, но и тем, что оно опирается на строгую методическую базу: поиски системных фонологических корреспонденций ведутся здесь на уровне соответствующих праязыковых состояний.

Однако эти исследования также не достигли сколько-нибудь очевидного успеха, так как и в этом случае, на наш взгляд, пока не удастся показать системности звукосоответствий. Так, в частности, поддерживаемое приблизительно семью-восемью иллюстрациями фонетическое соответствие и.-е. **H* (ларингальный) ~ картв. **γ* (ср., например, и.-е. **Herk* «изогнутый» ~ картв. **γrek* «изгибаться», и.-е. **reuH* «разрывать, разбивать» ~ картв. **reyw* «сыпать, -ся; рушить, -ся», и.-е. **seH* «сытый» ~ картв. **zeγ* «насыщать, -ся», и.-е. **Huedh* «связка; связывать» ~ картв. **γwed* «ремень») не удается включить в единый системный ряд с другими звукосоответствиями. Нельзя не признать, что в интересных работах В. М. Иллича-Свитыча предпринят опыт построения именно подобных системных рядов³¹. Тем не менее, в наличной ситуации сравнения обращают на себя внимание два весьма настораживающих обстоятельства. Первое из них, как уже отмечалось в специальной литературе, заключается в необычайном «развитии» синонимии в индоевропейском корнеслове (ср., например, тридцать три корня с общим значением «вертеть», тридцать — со значением «гнать», двадцать четыре — со значением «пухнуть» и т. д.)³². Такая картина, обязанная известным трудностям семантической реконструкции, вследствие которых оказывается возможным очертить общий круг значений того или иного корня, но не удается точно определить конкретную тенденцию семантического развития, приводит к положению, когда в индоевропейском корнеслове становится достаточно легко подобрать правдоподобное «соответствие» тому или иному картвельскому корню (последнее обстоятельство будет, возможно, давать себя знать и на более высоком уровне картвельско-северокавказского сравнения). Другое обстоятельство состоит в немалом общем числе различных нарушений намечаемых звукосоответствий.

Таким образом, сказанное выше может быть кратко резюмировано в следующем виде. Отношения картвельских языков к северокавказским (ввиду далеко не достаточной изученности последних в диахроническом плане) и индоевропейским представляются в настоящее время не-

³⁰ См., например: Е. Д. П о л и в а н о в, К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков, в его кн.: «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 156—157.

³¹ См.: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч, Соответствия смычных в ностратических языках, «Этимология», 1966, М., 1968.

³² См., например: А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й, Методы реконструкции общиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза, «Этимология», М., 1966, стр. 264—265.

ясными. Факт существования языкового союза между общекартвельским языком-основой определенного периода и общеиндоевропейским несколько не противоречит возможности объединения в рамках подобного союза современных картвельских и северокавказских языков. Относительно большее число структурно-типологических изоглосс ныне объединяет картвельские и абхазско-адыгские языки (поэтому более перспективным направлением разработки гипотезы внутреннего родства кавказских языков представляется сравнительно-генетическое исследование картвельских и абхазско-адыгских языков). Гипотезы о генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими или индоевропейскими вполне корректны, но в обоих случаях остаются необоснованными. Перспективы соответствующего доказательства рисуются весьма неопределенно.

В заключение хотелось бы отметить несколько существенных неточностей в изложении моих взглядов, которые были допущены в первой, посвященной обсуждаемому вопросу статье.

Мое высказывание о том, что разработка не достигшей сколько-нибудь очевидного успеха ностратической гипотезы позволила «отдельным картвелистам более оптимистично смотреть на возможность генетических связей между картвельскими и во всяком случае индоевропейскими языками», не дает никаких оснований автору статьи утверждать, что я разделяю этот оптимизм³³. Далее мне произвольно приписана мысль, согласно которой родство картвельских языков с «северокавказскими» менее вероятно, чем с индоевропейскими³⁴. При цитации моего высказывания о том, что гипотеза внутреннего родства кавказских языков в области предварительных внутригрупповых этимологических исследований существенно отстает от некоторых других построений, имеющих дело со сравнением языков, отдаленное родство которых также гипотетично, автор статьи произвольно опускает слова «в последнем отношении» (т. е. в отношении внутригрупповых этимологических исследований)³⁵, что изменяет смысл высказывания и позволяет автору использовать его в ином, значительно более широком контексте. Наконец, несмотря на то обстоятельство, что, формулируя тезис о многочисленных и глубоких структурно-типологических сходжениях между картвельскими и северокавказскими языками, Г. И. Мачавариани ссылается именно на одну из моих работ³⁶, автор статьи, напротив, утверждает, что «Г. А. Климов, ссылаясь на мнение Г. И. Мачавариани, обходит молчанием его тезис относительно глубоких структурно-типологических сходжений картвельских языков с северокавказскими языками»³⁷. Вопреки сказанному, на протяжении целого ряда лет этот тезис с дальнейшим акцентом на более интересных картвельско-абхазско-адыгских структурных встречах развивался мною параллельно с Г. И. Мачавариани³⁸.

³³ См.: А р н. Ч и к о б а в а, К вопросу..., стр. 59.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Ср.: Г. А. К л и м о в, О гипотезе..., стр. 22.

³⁶ См.: Г. И. М а ч а в а р и а н и, К типологической характеристике..., стр. 8.

³⁷ А р н. Ч и к о б а в а, К вопросу..., стр. 59.

³⁸ Ср., например: Г. А. К л и м о в, К типологической характеристике картвельских языков, стр. 7; е г о ж е, Кавказские языки, стр. 63 (где отмечается, что при преимущественно промежуточном между обеими северокавказскими группами положении картвельские языки обнаруживают больше специальных связей с абхазско-адыгскими); е г о ж е, О гипотезе..., стр. 23; е г о ж е, Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели, стр. 286—287 и 295; е г о ж е, Структурно-типологические параллелизмы картвельских и абхазско-адыгских языков, сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика» (в печати).